

шанных стихов // *Musica Antiqua*. V. 5. Acta scientifica. Budapest, 1978. S. 543–557.

Кораблева 1979 – *Кораблева К.Ю.* Покаянные стихи как жанр древнерусского певческого искусства. Автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 1979.

Кравецкий 1991 – *Кравецкий А.Г.* Из истории парамисного чтения Бориса и Глеба // *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*. М., 1991. С. 42–52.

Лихачев 1954 – *Лихачев Д.С.* Изображение людей в летописи XII – XIII вв. // *ТОДРЛ*. Т. X. М.; Л., 1954. С. 7–43.

Марков 2002 – *Беломорские старинные и духовные стихи*. Собрание А.В. Маркова. СПб., 2002. С. 280–283. № 131.

Никитина 1982 – *Никитина С.Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхнего Поволжья // *Русские письменные и устные традиции и духовная культура* (По материалам археографической экспедиции МГУ 1966 – 1980 гг.). М.: МГУ, 1982. С. 91–126.

Никитина 1982а – *Образцы фольклора русского населения Верхнего Поволжья* (тексты и ноты к статьям С.Е. Никитиной и М.Б. Чернышовой) // *Русские письменные и устные традиции и духовная культура* (По материалам археографической экспедиции МГУ 1966 – 1980 гг.). М.: МГУ, 1982. С. 286.

Панченко 1989 – *Панченко А.М.* Стихи покаянные // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2: Л – Я. Л., 1989. С. 421–423.

Петрова 1998 – *Духовные стихи Обонежья* (По материалам экспедиций 1926 – 1932 гг.). Публикации Л.И. Петровой // *Из истории русской фольклористики*. Сб. науч. тр. Вып. 4 – 5. СПб., 1998. С. 476–477.

Ранняя русская лирика 1988 – *Ранняя русская лирика*. Репертуарный справочник музыкально-политических текстов XV – XVII веков / Сост. Л.А. Петрова и Н.С. Серегина. Л., 1988.

Романов 1891 – *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. V. С. 337–341. № 19–21.

Серегина 1994 – *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI – XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994.

Слоўнік 1989 – *Беларуска-рускі слоўнік у двух тэмах*. Т. 2. Мінск, 1989.

Соболева 1975 – *Соболева Л.С.* Паремийные чтения Бориса и Глеба // *Вопросы истории книжной культуры*. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 105–125.

Соболева 1981 – *Соболева Л.С.* Исторические наречия Бориса и Глеба – малоизученный памятник Киевской Руси. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

Солощенко, Прокошин 1991 – *Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI – XIX вв.* М., 1991.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Идея святости в Древней Руси: вольная жертва как подражание Христу. «Сказание о Борисе и Глебе» // *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I: Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 413–600.

Успенский 2000 – *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

Федотов 1990 – *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990.

Финдейзен 1928 – *Финдейзен Н.Ф.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. Т. I. М.; Л., 1928.

Якушкин 1860 – *Русские народные песни, собранные П.И. Якушкиным*. СПб., 1860.

М.А. КУЧЕРСКАЯ  
(Москва)

## МИФОЛОГИЗИРОВАННЫЙ ОБРАЗ «ИДЕАЛЬНОГО» ЦАРЯ: ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ

Великий князь цесаревич Константин Павлович Романов (1779 – 1831), брат двух русских императоров Александра I и Николая I, принимал участие во всех основных событиях российской, а затем и польской истории – последние пятнадцать лет жизни Константин был главнокомандующим армии Царства Польского. Вместе с тем Константин Павлович оказался необычайно «мифогенной» фигурой и был вовлечен в область русских фольклорно-мифологических представлений об «идеальном» правителе. Реальный образ, биография, поступки цесаревича стали богатейшим материалом для рефлексии части общества о том, каким должен быть «хороший», «настоящий» царь-батюшка.

Народное внимание именно к Константину Павловичу легко объяснимо. Во-первых, Константин принадлежал к царскому роду, и уже это придавало его облику «неотмирность», во-вторых, он имел реальные шансы стать русским императором, но так и не стал им. Несостоявшееся императорство Константина и дало импульс для народных размышлений о нем. Но впервые интерес простонародной среды к фигуре великого князя проявился очень рано, задолго до отречения Константина от престола в 1825 г.

**Константин Павлович – удалой молодец**

Первый всплеск общественного интереса к Константину Павловичу пришелся на зиму 1796 г., время женитьбы великого князя на германской принцессе Юлии-Генриетте-Ульрике (венчание состоялось 15 февраля). Это понятно: женитьба означала перемену социального статуса, превращение юноши в мужа, что автоматически приближало его к такому «взрослому» делу, как управление государством. Любопытнейшие свидетельства общественного настроения того времени зафиксировал в своих исторических записках Андрей Тимофеевич Болотов. Он записывал самые разные московские слухи и толки, в том числе и о великом князе. Первые из них касаются досвадебного периода жизни Константина Павловича, хотя очевидно, что и о детстве великого князя вспомнили в период его женитьбы: истории о юных годах Константина помечены у Болотова всё тем же 1796 г.

Исторические события и лица в фольклорной картине мира

В народных представлениях еще мальчиком великий князь полон энергии и смелости, по сметливости и ловкости он явно превосходит старшего брата Александра. А.Т. Болотов приводит рассказ о том, как однажды братьям дали землянику, и Константин, быстро съев положенную ему порцию, потребовал, чтобы Александр поделился с ним своими ягодами [Болотов 1988, 397]. Александр в этой незамысловатой истории предстает нуней и растяпой, Константин — хватом.

Народная молва приписывала Константину и крайне почтительное отношение к отцу, Павлу, находящемуся, согласно народному мнению, у Екатерины в пренебрежении. В одном из слухов Константин отдал отцу деньги, пожалованные ему самому императрицей на подарок невесте. Узнав об этом, Екатерина, «умиляясь», отослала цесаревичу новую огромную сумму на подарок. (Заметим, что позднее, в период междуцарствия 1825 г., этот мотив любви цесаревича к отцу вновь актуализируется в народных представлениях.)

Любовь к справедливости и милосердие великого князя — постоянная тема и других записанных А.Т. Болотовым слухов: «Вся Москва наслушана была анекдотами и слухами о великом князе Константине Павловиче. Говорили, что он от часу более вскидывал о себе так называемых штучек: везде ходил переодевшись в простое платье; везде всё расспрашивал и выведывал, и о всех беспорядках доносил государыне; и что многие бедные тем воспользовались; и что народ его отменно полюбил; и молва начинала носиться, что в нем не умирал Петр и что он будет точный он во всем» [Болотов 1988, 446]. При этом, создавая свой образ Константина Павловича, народ никогда не отличался излишней дидактичностью. Великий князь в народных слухах не просто ревнитель справедливости и защитник обиженных, но еще и веселый озорник, нарушитель общественных порядков, любитель не только «штучек», но и смелых шуток. Согласно другому слуху, записанному Болотовым, Константин Павлович «не успел жениться, как тотчас сделал шутку. Подхватив свою молодую и посадив в открытые сани, один, без кнехта, без всяких дальних сборов и церемоний, ну по городу масленицей ездить и кататься и всем свою молодую показывать; а народу то любо было. Сказывают, что сие узнала императрица и ей было неужгодно, что он нарушал этикет, так что она не приказала ему, без своего вельможи, давать лошадей» [Болотов 1988, 260].

Мемуарист записывал слухи, ходившие в Москве, удаленной от эпицентра торжеств и событий. Можно предположить, что здесь они развивались намного активнее, чем в Петер-

бурге: слухами «восполнялся» дефицит сведений о лицах царской фамилии.

Итак, в записях 1796 г. Константин предстает настоящим добрым молодцем, полным удали и отваги: он дает советы бабушке, помогает слабому отцу, вступает за обиженных, выкидывает «шутки» — за это народ «его отменно полюбил». А.Т. Болотову вторит и другой мемуарист эпохи, Шарль Массон — француз, восемь лет проживший в императорском дворце в качестве гувернера и бывший свидетелем многих придворных событий конца XVIII столетия. Описывая общественные настроения середины 1790-х гг., Массон также упоминает о любви «черни» к Константину Павловичу: «Чернь, которая всегда судит по ложным впечатлениям, замечая в великом князе Александре сдержанность и осторожность, принятые ею за гордость, прилепилась сначала к его младшему брату Константину» [Массон 1996, 109]; «Этот молодой великий князь не имеет такой любезной и пленительной наружности, как его брат, — продолжает Массон далее, — но в нем больше смелости и живости, взбалмошность у него занимает место ума, а шалопайство — любви к народу. <...> Его энергия неистощима, а свойственная ему откровенность редко встречается в принце» [Там же].

Заметим, что «откровенность» великого князя часто граничила с грубостью, а результатом «живости» его характера оказывались высказывания и поступки, недопустимые не только с точки зрения придворного этикета, но и обычной этики. Так, еще подростком Константин сломал руку уже пожилому графу Штакельбергу, начав в шутку бороться с ним [Карнович 1995, 404]. Незадолго до собственной свадьбы Константин жестоко избил майора, командовавшего «потешным» отрядом солдат. Наконец, на балу у графа А.Н. Самойлова Константин во всеуслышание сказал шведскому королю: «Знаете ли вы, у кого вы в гостях? У самого большого пердуна в городе» [Массон 1996, 109]. Современники вспоминают и множество других случаев грубостей и солдатского юмора Константина.

Однако в народном сознании все эти черты переосмыслились в фольклорном ключе: грубость оборачивалась прямоотой, манкирование этикетом понималось как любовь к простоте и неприязнь к излишней церемониальности двора. Естественным результатом этого становилось переодевание великого князя в «простое платье» и великодушные поступки. Любопытно, что последнее звено имеет чисто фольклорное происхождение: в мемуарной литературе конца XVIII в. нам не встретилось ни одной истории о щедрости или заступничестве великого князя за несчастных.

В столь юные годы он просто не имел еще права голоса.

#### Константин Павлович — солдатский царь

Итак, к концу XVIII в. образ Константина Павловича в народном сознании, по сути, сводился к набору фольклорных штампов, которыми условно можно объединить наименования «судной молодёжь». Единственная достоящая неопределённая краска в мифологическом облике Константина — его «озорство», или неформальное отношение к этикету. Но со временем к этим качествам цесаревича добавилось еще одно, которое быстро подчинило себе остальные. Это качество условно можно назвать «военностью». Константин в народных представлениях превратился в смелого, удачливого воспитанника. Определенную роль в формировании подобного представления, безусловно, сыграло и имя великого князя, названного в честь императора Константина Великого, не только мудрого государственного мужа, но и величайшего полководца. Вместе с тем миф о Константине-«воине» подпитывали и вполне реальные обстоятельства биографии Константина Павловича.

Жизнь его с юных лет была связана с военным делом, к которому великий князь испытывал страстную привязанность. Известно, что еще в детстве и отрочестве Константин «отрину в солдатский» предпочитал всем другим занятиям, в том числе и учебным — воспитателя Александра и Константина, Фридрих Цедер, с заметной горечью жаловался на эти Экстерне [Лагарп 1870, 44]. Незадолго до юности Константину подарили, наконец, «настоящих» солдатиков: под его командование поступило потешное войско, с которым великий князь, кажется, не слишком отличая жизнь солдат от игрушечных, обращался с необычайной жестокостью. «Военное ремесло испортило ему голову», — писал 21 февраля 1796 г. будущий император Александр Лагарпу о своем брате, — и он иногда жестоко обращается с солдатами своей роты, которую он образовал и начал которой вы видели» [Раменский 1913, 13]. Мы уже упоминали о руководившем потешным войском майоре, избитом палкой.

Судьба великого князя навсегда осталась связана с военным делом, фрунтовым учением, смотрами и вахт-парадами. Он занимал несколько ключевых военных должностей: в 1796 г. был назначен командиром гвардейского Ермайловского полка, в 1798 г. — начальником кадетского корпуса и генерал-инспектором кавалерии, в 1815 г. стал главнокомандующим польской армии. О крайне взыскательном отношении великого князя к службе, нередко граничащем с самодурством, слагались леген-

ды. Малейшая неточность в ходе учений, на параде или военном смотре могла вызвать неистовый гнев цесаревича, последствия которого часто оборачивались трагедией. В течение четырех лет командования цесаревичем польской армией десятки офицеров покончили жизнь самоубийством [Семевский 1909, 73] — по меньшей мере в нескольких подобных смертях молва винила великого князя<sup>1</sup>.

Репутации «первого фрунтовика во всей империи» (по выражению декабриста И.Д. Якушкина) для создания образа славного воина и победителя народному сознанию было бы недостаточно. Однако у Константина Павловича был не только фрунтовой, но и реальный военный опыт. Особенно важным для народного мифотворчества стало его участие в 1799 г. в Швейцарском и Итальянском походах, так как главнокомандующим русских войск в обеих кампаниях был другой народный любимец, герой множества исторических преданий, легенд и песен — А.В. Суворов. В фольклорном сознании всякого, служившего под началом великого русского полководца, освещала его воинская слава. Суворов точно по наследству передавал своим высокопоставленным подчиненным собственные свойства — военную удачливость, аскетизм, внимание к нуждам солдат. Неудивительно, что цесаревича тоже называли учеником Суворова: «В Бозе почивший великий князь цесаревич Константин Павлович, достойный ученик величайшего из военных гениев XVIII века, Суворова, первый, подвергавшийся опасности, был постоянно в пользу быстрых и решительных суворовских действий», — писал один из современников цесаревича в книге, посвященной его памяти, легко вступая в противоречие с истиной [Максимович 1875, 5].

В реальности всё обстояло наоборот. Участие Константина Павловича в военных кампаниях эпохи (помимо упомянутых Швейцарского и Итальянского походов, это войны с Францией в 1805 и 1806 — 1807 гг., в том числе печальное для русских Аустерлицкое сражение, Отечественная война 1812 года и подавление польского восстания 1830 г.) не было отмечено особыми подвигами. Подавление польского восстания и вовсе превратилось в одну из неприглядных страниц военной карьеры цесаревича, так как именно по его вине затянулось на многие месяцы и сопровождалось огромными потерями русских. Однако

<sup>1</sup> Другой источник сообщает о двух самоубийствах, совершенных по вине великого князя [Раменский 1913, 57]. См. также воспоминания офицера, служившего под началом Константина в Польше [Макаров 1871, 13–14].

народной точке зрения на Константина как на отважного военачальника и «отца солдат» это нисколько не мешало.

Ситуация междоусобицы, сложившаяся в ноябре 1825 г., стала катализатором народных симпатий к Константину. Именно в этот период солдатская любовь к цесаревичу достигла высшей точки. Согласно секретным донесениям середины 1826 г., солдаты лейб-гвардии были уверены в том, что «не стараются беречь солдат Николай Павлович и Михаил Павлович», а «его Императорское Высочество Константин Павлович, тот сам везде уже прошел все походы, он видел и знает нужды, и старается солдат сберечь» («Записка отставного майора Евкевича об отношении москвичей к членам императорской фамилии» [ГАРФ. Секретный архив. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2498. Л. 3]).

Отказ великого князя взойти на российский престол породил и множество других легенд и слухов, развивавшихся по двум основным направлениям. Во-первых, народная молва никак не могла допустить, что никогда не дававший себя в обиду Константин безропотно отказывается от царской короны, принадлежащей ему по праву. Следовательно, — и это первое звено в цепочке слухов — отречение Константина Павловича вынужденно, не добровольно (там же: [ГАРФ. Секретный архив. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2498. Л. 1]; «Агентурные донесения и записка о слухах и толках по поводу разных событий...» [ГАРФ. Секретный архив. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2499. Л. 5 об.]), или же отречения не было вовсе, народ обманут, письма цесаревича подложны. По рассказу приехавшего в январе 1826 г. из Курска в Петербург майора Токарева, «в Курске, в Орле и частью в Москве не верят и по сей час, чтоб письма цесаревича были неподдельны и что он не отрекся от трона, но отдален». При этом в Курске «жадали о Государе, но плакать стали о Константине, коего полагали увидеть строгим и справедливым» («Дело со сведениями о народных слухах по поводу императора Александра I, восшествия на престол императора Николая I» [ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 864. Л. 22]). Во-вторых, если отречения не было или оно было вынужденно, следующий естественный шаг, который народная логика приписывала Константину, — защита своего права на престол. Константин идет в Петербург с войском отвоевывать у Николая принадлежащую ему по закону власть — вот тема следующей группы слухов 1825 — 1826 гг., а также и более поздних<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Ср.: «Константин Павлович идет с войском в трех корпусах состоящем, но куда именно не знают и разделены на две части: с первой идет сам

Среди различных свидетельств эпохи на «константиновскую» тему особый интерес представляют, на наш взгляд, два архивных документа. Первый из них — листовка, написанная от имени Константина Павловича; второй — письмо с красочными (конечно, вымышленными) подробностями событий, сопровождавших ситуацию междоусобицы. Листовка, написанная от имени Константина Павловича, датируется 8 января 1826 г., местом написания ее назван Санкт-Петербург. Настоящий автор листовки — рядовой Тарской инвалидной команды Николай Семенов, и написал он ее, конечно же, не в Петербурге, а в провинциальном городке Тарске. Листовка представляет собой своеобразный каталог ходивших в солдатской среде слухов о великом князе и его отношениях с «официальной властью» и семьей. Именно поэтому, несмотря на косноязычие и неграмотность автора, приведем ее текст полностью, сохраняя орфографию и пунктуацию копии, хранящейся в следственном деле, возбужденном по этому поводу.

*Санкт-Петербург Генваря, 8 числа 1826 г.*

*К удивлению Цесаревича наследовавшего Российский престол Константина Павловича, когда уже я отвержен, но нет, вынудила меня польская система быть Польским и Российским Императором, тогда-то вынужденно в Варшаве сказано: Ура! Ура! Ура! Любезные дети, гряди в С-Петербург с вами и занимаю Престол Российский. В означенное число приходя к оному, узнав, что тут царствует Николай брат мой. Сие зависит от матушки моей М.Ф. Петербург вострепетал прибытия Константина, ни один из войска солдат не мог противоречить. Тогда-то Константин повелел, дайте мне виновников Сената и по представлении не благочестия сего, неизвестно куда удалены. Но я о их зная, а ты брат потворщик Сената с Матерью мою арестуешь на год. Осрамленный престол лишает Николая, в 10 число приемлю престол Божий и могу даровать всемогущую льготу. Мария страха сего убоится помер-*

*Его Высочество через Нарву, а вторая половина следует чрез город Порхов, — и что им, рекрутам, сказывали о сем попавшихся навстречу тех войск квартиры» («Дело о предании военному суду фельд-маршала Псковского внутреннего гарнизона Иванова К. за распространение слухов о предстоящем вступлении на престол вел. кн. Константина Павловича» [ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 82.]); Константин Павлович «живет во Франции, оттуда придет войною на Россию с французами и другими войсками, сухим путем и морем, и будет требовать царства от императора Николая Павловича, потому что войска и народ прежде присягали ему на верность» [Народные толки 1878, 135].*

... Присие Бог согрешение мое и приеми  
изгнанный Константин. ура! ура! ура!  
[ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 77].

Листовка свидетельствует о литературной неграмотности автора, явные нелады у него и с пунктуацией. Тем не менее даже по весьма обрывочным сведениям, приведенным здесь, можно судить о представлении и политических пристрастиях солдат. В листовке приводятся достаточно распространенная в солдатских кругах версия произошедших событий. Псалм «вынужденным» «ура», сказанным в Польше, очевидно, подразумевается коронация Александра и присяга (действительно во многом вынужденная) польских войск русскому царю в 1815 г. Однако «Польским и Российским императором» Семенов ошибочно называет Константина, а не Александра. Далее, по мнению Семенова, Константин, узнав, что он российский император, отправился в Петербург, где и выяснилось, что вместо него царствует брат Николай. Произошло это по воле матушки, императрицы Марии Федоровны. Константин быстро разобрался с соперником: преставал на год Николая и Марию Федоровну, после чего императрица, «убояся», умерла. При этом все солдаты были на стороне Константина Павловича — «ни один из войско солдат не мог противоречить».

В тексте листовки отчетливо вырисовывается облик идеального «солдатского царя»: Константин бесстрашен, весел, по-отечески относится к солдатам («любезные дети!»), обещает народу «всенародную льготу» (видимо, освобождение крестьян), враждует с сенатом и справедливо наказывает «посторонних сенаторов» — Николая и Марию Федоровну. Неприязнь автора к Марии Федоровне выражается в том, что, подобно отрицательным фольклорным персонажам, она «померла» — на самом деле императрица Мария Федоровна умерла только два года спустя, 24 октября 1828 г.<sup>3</sup>

Рядовой Николай Семенов, по собственному его признанию, «сочинил сие письмо без всякого злого умысла и участия других». Цель же его «при сочинении означенного пасквиля состояла в том только, чтоб за выданную им напосасть выпить чарку вина у сидельца в питейном доме, мещанина Романова» [ГАРФ. Ф.

1165. Оп. 1. Д. 77]. Очевидно, так оно и было. Письмо оказалось плодом почти детского тщеславия простого солдата, пожелавшего удивить товарищей осведомленностью в вопросах государственной политики, а самого себя ощутить причастным к большой истории. Заметим, что и место, выбранное Семеновым для разглашения письма, вряд ли было случайно. Питейный дом — своеобразный «мужской клуб», а в провинции едва ли не единственное место сбора простого люда, крайне благоприятное для свободных политических разговоров и откровенного высказывания взглядов. Недаром другая скандальная история, связанная с выражением верности Константину, также произошла в одном из провинциальных трактиров Дмитровского у.: 2 февраля 1826 г. губернский секретарь Константин Петрович Викентьев, «бывши в трактире в весьма пьяном виде, обратился к присутствующим с требованием, чтобы ему связали руки и везли в Петербург», так как, по его мнению, звания императора «более достоин» Константин, а не Николай [Из далекой старины 1925, 254].

Еще один замечательный свод солдатских представлений о Константине Павловиче находим в перехваченном III отделением письме от 26 мая 1826 г. Его автор — рядовой «музыкантской команды» Ладожского пехотного полка Иван Соколов — рассказывает приятелю последние столичные «новости», якобы услышанные им от петербургского унтер-офицера [Рахматулин 1987, 300–301]. В первой части письма Соколов описывает обстоятельства гибели императора Александра I. В соответствии с распространенным в народе мнением<sup>4</sup>, Соколов сообщает, что император умер насильственной смертью, но подробности гибели Александра, данные в письме, и авторский комментарий достаточно необычны. По версии Соколова, при выезде Александра из Петербурга в Таганрог на небе было затмение. Неподдалеку же от Таганрога мост на пути императора был подпилен, но об этом заранее узнали. Однако когда император поехал в объезд, он «окружен был господами», которые «отрубили ему левую руку, иссекли грудь и тело». То есть, по мнению автора письма, Александр «вместо причастия Господней крови, свою истощил злодеями, Илья, кучер, привез его рубашку, которая иссечена была местах в тридцати...» [ГАРФ. Ф. 109. 2 экспедиция. Д. 13. Л. 4–4 об.].

Смерть императора осмысливается в мистическом духе: его отъезд из Петербурга сопровождается недобрым знаком (затмением),

<sup>3</sup> См., например, в тетради Федорова слух 3-й и 8-й, сообщающие о том, что «государя... изрезали» [Сыроечковский 1934, 80–81].

вполне символично ему отсекают именно левую руку (правая нужна, чтобы перекреститься), а пролитая Александром кровь заменяет ему традиционное для христианской культуры причастие Святых Христовых Таин перед смертью. В письме присутствует скрытая и тоже весьма традиционная параллель между убитым императором и распятым Иисусом: подобно тому, как распятый Христос пожертвовал Собою ради всего человечества, так и император жертвует своей жизнью во благо подвластного ему народа.

Сопоставление умершего императора Александра и распятого Христа присутствует и в фольклорных источниках. Так, например, в народной исторической песне, посвященной смерти Александра, говорится о двенадцати генералах (по вариантам – двенадцати офицерах), сопровождающих скончавшегося императора, что, безусловно, является ассоциацией с двенадцатью апостолами Христа:

*Наш Александр – император в Таганроге  
жизнь скончал,  
(Что) двенадцать генералов на главах  
царя несут...  
[Русская историческая песня 1987, 325].*

Такое сопоставление имеет весьма древние корни и актуально как для западной, так и для отечественной традиции, хотя на русской почве оно было особенно акцентировано: по наблюдениям Б.А. Успенского, только в русском обряде помазания на царство царь уподоблялся Иисусу Христу, а не царям Израиля, как это было в византийском и западном обрядах [Успенский 1996, 187; 1998, 20].

После рассказа о мученической кончине императора Александра рядовой Соколов описывает в письме и покушение на великого князя Константина. Однако Константин Павлович в отличие от старшего брата не гибнет и сопротивляется из последних сил. Подобного прецедента нет в Священной Истории, но есть в более поздней, христианской, и Соколов отталкивается от других мифологических образов. Константин уподоблен не кроткому агнцу, не страстотерпцу, добровольно принимающему страдания, а русским князьям-воинам, также канонизированным русской церковью. «Еще скажу я вам о Константине, за ним в полиции ходят пять генералов, которые стараются его извести, в апреле числа пришли пять генералов в женских платьях и подали просьбу, а сами за пистолеты и изранили крепко. Тогда вскричал: ординарец, не выдавай, начали рубить, на месте всех положили, от чего сделался весьма болен и едва ли будет жив; Константин если померет, то великое смятение будет, оттого и коронации нет, а

когда жив будет, тот сделает всё по-своему» [ГАРФ. Ф. 109. 2 экспедиция. Д. 13. Л. 7]<sup>5</sup>.

Если «пять генералов» используют пистолеты, то Константин предпочитает «рубиться» в рукопашной – очевидная отсылка к древнерусской военной повести. Вместе с тем в рассказе заметно и влияние бульварной авантюрной повести, весьма распространенной в первой четверти XIX в., с ее переодеваниями, обманом и стрельбой.

Эти события, активно обсуждаемые во всех слоях русского общества, неизменно разворачиваются на фоне определенных семейных отношений в царской семье. Взаимоотношения Константина с матерью в слухах неизменно рисуются как крайне натянутые, а с братом Николаем – открыто враждебные и сопернические<sup>6</sup>. В одной из песен эпохи междоусобицы Константин прямо спрашивает лейб-гвардейцев:

*Не отправиться ль, ребята,  
С моим братом воевать? <...>  
С моим братом воевать,  
Себе землю забирать?*

Но замысел не осуществился, Николай успел отправить Константина в «ссылку»:

*За такие слова брат  
Константина слал в Кронштадт  
[Русская историческая песня 1987, 326].*

Только к отцу Константин относится с любовью и покровительствует ему, как и во времена юности. Тот факт, что Павла давно нет в живых, нередко опровергался. Согласно одному из слухов 1826 г., «государь император Павел Петрович содержался в каменном столбе или темнице», а «цесаревич ходил к нему с войском и освободил его» [ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 2]. Этот слух объяснял отречение Константина тем, что жив другой законный император российский – Павел. Мотив освобождения отца и спасения его от смерти возник и в позднейшем рассказе 1843 г. В нем це-

<sup>5</sup> Похожий по сюжету слух содержится и в агентурных донесениях III отделения (от 12 мая 1826 г.). Мелкий московский торговец очень хвалит осведомителя Константина Павловича и сообщает ему, что «в Царстве Польском неизвестно в каком месте случилось напади вооруженные пятеро человек на его Императорское высочество, четырех сам его высочество своеручно положил на месте, а пятый внезапно с тылу ранил его высочество» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2499. Л. 6].

<sup>6</sup> См., например, [Народные толки 1878, 138; Восстание декабристов 1929, 67; Рахматуллин 1987; ГАРФ. Ф. 1165. Ед. хр. 82; ЦГВИА. ВУА. Ф. 864 (1828). Л. 48].

цесаревич «с обнаженной саблей» спас «государя и родителя от министров, которые хотели заставить царя передать управление государственным крестьянами в их руки» [Чистов 1967, 208].

Помимо воинских достоинств народная молва отмечала и отеческую заботу цесаревича о солдатах. По утвердившемуся в армейской среде мнению, Константин Павлович не раз облегчал тяжелую солдатскую участь. Согласно позднейшим слухам 1853 г., распространившимся в войсках, стоящих в Тифлисе и «близ оного», Константин Павлович «жив и пребывает в Греции для снискания там защиты», а в настоящее время для действия против него объявлена война. Но, по словам солдат, «если дойдет дело до войны», они не пойдут воевать против Константина: «Побросаем оружие, пушки заклепаем и драться против законного царя нашего не будем – от него больше милостей можем ожидать, он, говорят, не жаловал дворян, а любил солдат, их ласкал, награждал и, конечно, не заставит служить 25 лет, а потом по миру ходить» [Рахматулин 1987, 303–304].

Солдатские ожидания, сосредоточенные вокруг возможного правления Константина, сводились, собственно, к надежде на уменьшение срока службы и денежную награду. Но даже крайняя неопределенность этих ожиданий (как долго придется служить 25 лет, а сколько заставит, ясно и не так важно) свидетельствует о том, что значительно выше материальных милостей солдаты ставили доброе и справедливое отношение к себе. Это резко разводило их с крестьянами, ждущими от Константина, в первую очередь, дарования «всенародной льготы», то есть освобождения от крепостной зависимости.

#### Константин Павлович – крестьянский царь

Представления крестьян о Константине как об идеальном правителе в целом не имели «константиновской» специфики и вписывались в сложившуюся схему других народных легенд о «царе-избавителе». Крестьяне верили, что Константин хочет вернуть им свободу, за это сплани и отстранен от престола; что он странствует по Руси, сострадая простому народу, но отказывается царствовать и осуществить свои добрые намерения, а с «изменниками» и дворянами жестоко расправиться<sup>7</sup>.

По свидетельству одного из осведомителей III отделения, крестьянин Тамбовской губ. Ефим Пивлов «своего прихода священнику переправив народом сказал, что у вас император Николай Павлович, который обманом взял

престол у его императорского высочества Константина Павловича, а у нас, у крестьян, императором Константин Павлович» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2498. Л. 1; Рахматулин 1987, 300]. В признании Константина «крестьянским царем» явно проглядывает надежда на освобождение, которое крестьяне получают из рук Константина.

Два слуха (4-ый и 28-ой), записанные в Москве дворовым Федоровым, уже прямо говорят о том, как Константин, обманывая Сенат, пытался освободить «невольников». Но едва выяснилось, что невольники – крепостные крестьяне, «сенаторы» якобы переизбрали Константина Павловича и возвели на престол Николая: «Когда посажен был или провозглашен императором, и сенаторы подписались, чтобы невольников избавить, и когда Константин Павлович сказал, каких невольников, то вскорости избрали Николая Павловича, то Константин Павлович сказал: "Ну, братец, владей, а я поеду в Польшу"» [Сырочковский 1934, 82].

В этом слухе Константин выглядит достаточно слабым: конечно, он пытается защищать интересы крестьян, но легко отступает. Чаше слухи рисовали цесаревича гораздо более яростным противником дворян и «бояр». В записке министру внутренних дел Л.А. Перовскому «о настроении московских жителей в связи с распространившимися в Москве слухами о появлении там вел. кн. Константина Павловича и с революцией в Европе» сообщалось: «Говорили о Государе Императоре, что когда он узнал о появлении в Москве Константина Павловича, то весьма обрадовался, что сей Августейший брат его, которого почитал умершим, оказывается вдруг в живых, и вследствие того стал звать к себе в Петербург, обещаясь всю дорогу ему туда от Москвы устлать бархатом. "Не надо мне бархата", – отвечал будто бы на это Константин Павлович, а устли ты мне дорогу боярскими головами, так приеду» [РГИА. Ф. 1021 (фонд гр. Перовских). Оп. 1. Д. 48. Л. 2–2 об.]. Здесь легко угадываются фольклорные источники (ср.: «Нам не дороги вещицы заморские / Нам не дороги вещицы астраханские / Дорога нам твоя буйная головушка» [Лозанова 1935, 36]). Вероятно, и формула, возникающая в других слухах – Константин Павлович «всех дворян перевешал бы» – также имеет фольклорное происхождение (ср.: «– Скажи, скажи, Пугаченька Емельян Иванович, / Много ли перевешал князей и бояр? / – Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч» [Лозанова 1935, 186]).

Однако несмотря на приведенные красочные детали, крестьянский портрет Константина в целом оставался достаточно абстрактным и напоминал любого «царя-избавителя» и «за-

<sup>7</sup> Элементы этой сюжетной схемы описаны. См.: [Чистов 1967, 30–31].

ступника». Солдаты были связаны с Константином общим делом, военной службой, а потому и любовь их к Константину оказалась значительно более личной, направленной на конкретного человека. В результате его фольклорный образ в солдатской среде получился более законченным и выразительным, ведь солдаты в отличие от крестьян использовали в своих рассказах о Константине конкретный исторический материал, его реальные биографические черты. В итоге же царем крестьянским Константин стал, что называется, по долгу службы – царем солдатским не стать не мог.

#### Самозванцы

Проверить степень популярности в народной среде того или иного исторического лица, в особенности члена императорской фамилии, можно по количеству самозванцев, выступавших под его именем. К.В. Чистов перечисляет восемь Лжеконстантинов. Интересно, что хотя, как правило, появление самозванцев связано со смертью того, чьим именем они себя называют, первые Лжеконстантины появились еще при жизни Константина Павловича. Можно предположить, что его долгое пребывание в Польше, вне зоны всеобщей видимости, в народном сознании исполнило функцию смерти. В тетради дворового Федорова один из слухов (18-й) 1826 г., рассказанный Федорову жителем Боровска, сообщает, что «*Костюшка*» *«здесь где-то ездит»* [Сыроечковский 1934, 82–83].

Подобные слухи создавали благоприятную почву для появления самозванцев, и они не замедлили появиться. Мнимые Константины Павловичи сулили крестьянам волю, обещали уменьшить подушную подать и убить начальство *«за делаемые черни притеснения»*, а для доказательства своего царского достоинства показывали «царские знаки»<sup>8</sup>. Существенной частью системы доказательств были «*небесные видения*», в которых претендент на престол якобы получал благословение свыше. Дворовому Ивану Никифорову, например, *«в сонном видении явился Ангел Господень и возвестил ему благодать Божию»* [ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 5 об.]. Никифоров, явившийся с проповедью Великим постом 1826 г., называл себя *«столпом церкви»*, но выступал под собственным именем, не претендуя пока на престол, однако говорил, что со временем *«будет Царем Российским»* – *«Бог сам сделает его Царем и народ будет его слушать»* [ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 6 об.].

Несколько выделяется на общем фоне случай, когда самозванец (рядовой гусарского полка Александр Александров) для убедитель-

ности не только показывал народу «царские знаки» – обрубленный до сустава указательный палец, но и прибегал к магии – гадал, предсказывал будущее. В личных вещах его были обнаружены *«в тряпке волчьих эсиль»*, *«в полотенце земля с рыбьими небольшими костями»*, *«кремь и пять маленьких неизвестных вещей»* [РГИА. Ф. 381. Оп. 1. 1840. Л. 11–11 об.] – предметы, явно используемые для магических действий. Очевидно, гадательные способности необходимы были этому Лжеконстантину для приобретения большей популярности в народной среде. При этом в сочетании с царским достоинством магия Александра дает некоторые основания связать его действия с древнейшими верованиями в чудодейственные способности царской или королевской особы [Блок 1998]. Свои резоны имело и то, что Александров искал сторонников по преимуществу в старообрядческой среде, по сравнению с ортодоксами более склонной к мистицизму.

Константиновская легенда оказалась крайне устойчивой: последние Лжеконстантины и слухи об «ожившем» Константине Павловиче появлялись в России вплоть до 1860-х гг. [Чистов 1967, 204–213], когда его образ начал уже смешиваться в массовом сознании с образом также любимого народом Константина Николаевича, сына Николая I.

#### Константин Павлович в анекдотах

До сих пор мы говорили о представлениях, сложившихся о Константине Павловиче в простонародной среде. Однако между образованной и необразованной частью российского общества никогда не пролегла глухая стена. У солдатских и крестьянских историй о Константине существовал свой эквивалент в дворянских кругах – анекдот. Цесаревич был одним из любимейших героев исторических анекдотов, рассказывавшихся и на офицерской пирушке, и в великосветском салоне, и в кругу придворных. Здесь, как и в народных историях, одним из определяющих качеств цесаревича оказалась его «простота».

Е. Доде приводит в статье, посвященной Ахенскому конгрессу, сразу две истории, свидетельствующие о грубоватой простоте великого князя и привязанности его к армейскому служилому люду. Первая история Доде рассказывает о том, как утомленный великий князь упал на первую попавшуюся кровать одетым. Ему сказали, что эта кровать приготовлена для его камердинера. *«Пусть ложится на мою»*, – отвечал цесаревич и не двинулся с места. На следующий день цесаревич разговаривал с парикмахером и, узнав, что тот был прежде солдатом, заставил его выполнить разные воинские упражнения, после чего, очень доволь-

ный, послал ему в награду шесть дукатов [Давид 1907, 248].

В мемуарной литературе неоднократно отмечается любовь великого князя к самому грубому фарсу и довольно незамысловатым шуткам. Весьма характерен случай, произошедший в кадетском корпусе в 1811 г., в то время, когда Константин Павлович отвечал за дисциплину петербургских военно-учебных заведений. На смотре фронтовых учений лошади одного кадета, испугавшись знамен, дернулась и нарушила общий строй. Великий князь, относившийся к военному порядку как к чуждому эстетическому, страшно разгневался, начал кричать, приказал принести для пугливой лошади бичей. Он распался всё более и более, и неизвестно, чем завершилась бы эта история, если бы один кадет, знавший характер цесаревича, нарочно не свалился прямо на его глазах в грязную лужу. «Видя это великий князь расхохотался, громко закричал: "хорош, хорош!" и — гнев изменился на милость, всё было найдено прекрасным, и все почтительно поклонились благодарностью» [Левин 1876, 66–67]. Шутки в том же духе приписывались и самому Константину Павловичу. Выполнив приказ цесаревича об обязательной смене караула, один ревностный ефрейтор приказал сменить караул прямо во время театрального спектакля, на котором присутствовал и великий князь. После представления Константин Павлович похвалил ефрейтора за старательность и, видимо, в знак особого расположения, схватил его за щеку и, погрешив, толкнул в лужу [Суханин 1912, 272].

Истории о незамысловатых развлечениях и шутках Константина Павловича типологически сходны с рассказами о том, что «Космополиты здесь где-то ездят», сострадая несчастным и помогая им в беде. И офицерские анекдоты, и народные легенды смягчали жесткость существовавшей иерархии, приближали человека из высших сфер к земному миру, делали его непосредственным участником обыденной жизни обычных людей.

Это не единственная точка пересечения крестьянских и дворянских представлений о великом князе Константине. Подобно тому, как народная молва отказывалась верить в то, что Константин не стал и уже никогда не будет русским царем, своеобразный отказ признать очевидную историческую истину прозвучал и в панегирической поэзии эпохи. Автор множества панегирических стихотворений В.А. Добровольский прославился тем, что, написав оду новоизбранному императору Константину, быстро сориентировался и после этого написал «песнь на отказ» Константину от престола. У Добровольского отказ Константина — подвиг, превосходящий все дости-

жения Петра и Екатерины («Что Петр и что Екатерина? / Что их великие дела / Перед делами Константина?») [Добровольский 1887, 137]. «Дело Константина», его отречение от престола, представлено как поступок, исполненный глубокого смирения, сразу же переводящий цесаревича из материального, осязаемого мира в духовную, небесную сферу. Автор не отказывает Константину в царском достоинстве, так как великий князь, по его мнению, отрекся от царства земного ради Царства Небесного и стал царем «духовным», властвуя в «сердцах» — вместо короны увенчанный народной любовью.

Итак, не только простой народ, но и аристократический дворянский круг не желал отказывать Константину Павловичу в царском достоинстве, хотя, конечно, превращение Константина в царя возможно было только в пространстве мифа, соглашавшегося принимать любые сюжеты. Удивительно то, что любые сюжеты никогда и не предлагались, — предлагались весьма похожие, причем, повторим, это сходство часто не зависело от социальной принадлежности их создателей. Образ же «идеального» царя вырисовывался довольно определенный. В соответствии с пушкинской сентенцией, высказанной, правда, по другому поводу, все предпочитали, чтобы «герой» был «прежде человек». Государственные таланты не принимались в расчет, зато необходимым добавлением к милостивому характеру должно было стать личное мужество «идеального» царя, способность не растеряться и защитить себя и подвластный народ. Веселость же нрав, также приписываемая молвой Константину Павловичу, придавала всем этим качествам особую яркость.

Как можно убедиться, все основные свойства «идеального» правителя не были плодом чистого вымысла. Фольклорно-мифологический портрет Константина во многом списывался с Константина реального, однако приукрашивался до неузнаваемости. Народное мифотворчество состояло с реальностью в таких же непростых отношениях, как и любой вид художественного творчества.

### Литература

Блок 1998 — Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998.

Болотов 1988 — Болотов А.Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах, 1796 // Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1737 — 1796. Т. 1 — 3. Тула, 1988. Т. 3.

Восстание декабристов 1929 — Восстание декабристов. М.; Л., 1929. Т. 6.

Добровольский 1887 — Добровольский В.А. Песнь на отказ Его высочества цесаревича, велико-

го князя Константина Павловича от Престола // Русский архив. 1887. № 10. С. 137–138.

Из далекой старины 1925 – Авл. Из далекой старины // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1925. Кн. 21. С. 254.

Карнович 1995 – Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // Карнович Е.П. Собр. соч. в 4 т. М., 1995. Т. 3. С. 373–603.

Левшин 1876 – Домашний памятник Н.Г. Левшина // Русская старина. 1876. Т. XVI. № 5. С. 59–72.

Лагарп 1870 – Записки Лагарпа о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей, 1786 – 1789 // Русская старина. 1870. Т. I. С. 3–48.

Лозанова 1935 – Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. ст., ред. и примеч. А.Н. Лозановой. М.; Л., 1935.

Макаров 1871 – Макаров Н.П. Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве (очерки из воспоминаний старого литовца). СПб., 1871.

Максимович 1875 – Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 года и о в Бозе почившем великом князе, цесаревиче Константине Павловиче. СПб., 1875.

Массон 1996 – Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.

Народные толки 1878 – Народные толки о Цесаревиче Константине Павловиче (сообщ. Г.К. Репнинский) // Русская старина. 1878. № 9. С. 135–142.

Раменский 1913 – Раменский А. Цесаревич Константин Павлович. М., 1913.

Рахматулин 1987 – Рахматулин М.А. Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825 – 1858 гг. // Феодализм в России. Сб. ст. и воспом., посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308.

Русская историческая песня 1987 – Русская историческая песня / Ред., вступ. ст., примеч. Л.И. Емельянова. М., 1987. («Библиотека поэта».)

Семевский 1909 – Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Суханин 1912 – Суханин. Из журнала участника войны 1812 года // Русская старина. 1912. Т. 149. № 2. С. 271–283.

Сыроечковский 1934 – Сыроечковский В. Московские «слухи» 1825 – 1826 гг. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1934. Кн. 3 (112). С. 79–85.

Успенский 1996 – Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 110–218.

Успенский 1998 – Успенский Б.А. Царь и патриарх (Харизма власти в России). М., 1998.

Чистов 1967 – Чистов К.В. Русские социально-утопические легенды. XVII – XIX века. М., 1967.

Daudet 1907 – Daudet Er. Le Correspondent. 1907. 10 juillet. (Autour du congrès d'Aix-la) (перепечатано: Доде. К биографии цесаревича Константина Павловича (Ночь на камердинерской постели) // Русская старина. 1909. № 11. С. 248).

#### Сокращения

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.

И.Н. РАЙКОВА  
(Москва)

## МОТИВ НЕУЗНАННОСТИ В РУССКОЙ УСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ О «СПРАВЕДЛИВОМ» ПРАВИТЕЛЕ

«Справедливый» царь, правитель выступает в качестве героя преданий, легенд, сказок, исторических анекдотов у разных народов. В рамках этой традиции существует большой пласт типологически сходных мотивов и «бродячих» сюжетов.

На русской почве идея «справедливого» правителя связана с именами Ивана IV Грозного, особенно широко – Петра Великого, реже – Бориса Годунова, Екатерины II, Александра I, а также Ивана III, которого в народе тоже называли Грозным<sup>1</sup>. В устной прозе об этих исторических лицах выразилась извечная народная мечта о мудром и гуманном устройстве общества, добрых взаимоотношениях между правителем и подданными, жизни по закону и по справедливости<sup>2</sup>. В русском фольклоре XX в. эта традиция отчасти продолжена в рассказах, героем которых является Иосиф Виссарионович Сталин, называемый в текстах просто «Сталин» или «товарищ Сталин» (устойчивый советский речевой штамп, использовавшийся при жизни генсека). Такое именование подтверждает тот факт, что перед нами скорее традиционный фольклорный тип, нежели конкретное историческое лицо. С точки зрения жанровой природы рассказы тяготеют, прежде всего, к историческим анекдотам, историческим преданиям (с установкой на достоверность), бытовавшим еще при жизни вождя, а также современным народным анекдотам (без установки на достоверность). Последние, возникнув при жизни И.В. Сталина, были «тайным» пластом устной культуры, а после его смерти стали бытовать открыто и впоследствии печататься<sup>3</sup>. Впрочем, граница между этими жанрами, на наш взгляд, не является непроницаемой.

<sup>1</sup> О последнем см. в ряде недавних публикаций С.Н. Азбелева, например [Азбелев 1999, 15–17].

<sup>2</sup> Подробнее об этом: [Райкова 1995].

<sup>3</sup> Цитируемые в статье устные рассказы о И.В. Сталине записаны автором осенью 1999 г. от сотрудников ГРЦРФ Виктора Григорьевича Смолицкого (использовались также любезно предоставленные им тексты в самозаписи) и Николая Сергеевича Бурмистрова. Автор выражает искреннюю признательность своим информантам.